

нул из коробки порох и засыпал в гильзу. Готовый патрон вставил до щелчка в пластиковую ячейку. Затем взял новую гильзу. Эту работу он делал каждый день, сколько себя помнил.

Люди вокруг него занимались тем же – засыпали порох в патроны. На стенах висели плакаты с изображениями различных калибров, устройством автомата, инструкцией по зарядке оружия.

Патрон, патрон, еще патрон. Когда ячейка заполнилась, N. отодвинул ее на край стола и взял из пачки новую. Хрустнув затекшей шеей, он перевел взгляд на широкие настенные мониторы, по которым обычно показывали развевающийся флаг Родины. Иногда, перед обедом, передавали короткий ролик, в котором люди в форме бежали и стреляли. N. знал его наизусть. А в конце рабочего дня высвечивалось мужественное лицо с черными глазами и квадратным подбородком. На голове – черная, блестящая фуражка. Голова кивала, словно говоря «спасибо», и несколько минут черные глаза смотрели на задравших головы рабочих. *Marshal* – откуда N. знал его имя, было непонятно, но именно это слово всплывало в голове при виде фуражки.

Раздался свисток. Закончив, рабочие досыпали последнюю гильзу и медленным шагом направлялись в конец зала. У коридора собралась молчаливая толпа, лишь изредка раздавался кашель или невнятное мычание. N., так же как и все вокруг, смотрел под ноги на обшарпанный пол, понемногу двигаясь вперед. Люди тесно прижимались друг к другу, толкались плечами, норовили протиснуться вперед как можно скорее.

Наконец толпа суживалась до очереди, которая затекала в коридор. Рядом располагалась столовая. Между столами прохаживались люди в масках, хотя за дисциплиной смотреть не приходилось. Рабочие послушно брали из стопки подносы, становились один за другим и шли к окнам выдачи. В первом окошке наливали миску куриного бульона, во втором – воду, в третьем выдавали **prodykt**. Ели здесь же, примостившись у настенных полок, жадно обливая днища тарелок.

Затем гудел такой же сигнал, рабочие оставляли посуду и все так же, не говоря друг другу ни слова, возвращались к своим местам. Еще спустя какое-то время долетал последний за рабочий день, третий сигнал. В конце дня рабочие оттирали со лба пот и поднимались по лестнице в свои комнаты. Там каждого из них ждала миска с гречкой, яблоко, хлеб и **prodykt**. Иногда лежала чистая аккуратно сложенная роба. После ужина сразу гасился свет.

Заключенные мысли в раковине, скидывали одежды и ложились спать.

N. существовал по такому распорядку всю свою жизнь, и больше он не знал ничего.

Как обычно, после ярко вспыхнувшего загудевшего света N. зажурился, а потом стал натягивать робу. Он подошел к двери, чтобы взять свой завтрак, и застыл. На подносе чего-то не хватало. Кружка стояла как обычно с краю, рядом – зеленое яблоко, однако **prodykt**...

Съев яблоко и выпив воды, N. усталился на пустое место. Щелкнул дверной замок, в комнату вошли двое в масках и перчатках. Теперь у них на поясах висели черные дубинки.

– ЭРXXX.

Из горла N. внезапно вырвался хриплый, почти животный рык, и, услышав самого себя, он вздрогнул. Вошедшие с любопытством посмотрели на N.

– ЯККX, КXXX, – хрипел он, показывая на пустое место подноса, но крепкие руки взяли его за плечи и выволокли наружу.

В цехе заключенные уже начали работу. По пути к своему месту N. обратил внимание, какие у них встревоженные, беспокойные лица.

Торопливо засыпая порох в гильзы, N. как никогда ждал звонка. Наконец прогудел сигнал, и он поспешил к толпе.

Здесь по-прежнему было много людей, однако вместо очереди за едой они топтались на месте. Под ногами валялись перевернутые тарелки, пол блестел от разлитого супа, то тут, то там лежали примятые куски курицы. Люди в масках слаженно отталкивали заключенных к стенам, а те недовольно мычали. Истощенные вопли, лязг посуды и хлесткие звуки ударов раздавались отовсюду, пугали своей новизной.

– RTIS! SYSHTSA! ЖИВА!!! – кричали люди в масках, избивая непослушных дубинками.

N. стоял возле дверей, наблюдая, как группу орущих заключенных выводят с заломленными руками. Понемногу буйных рабочих становилось все меньше, крики смолкали, постепенно толпа рассасывалась. Когда все совсем стихло, N. и другие рабочие переглянулись, взяли подносы и, обходя лужи разлитого супа, пошли к стойкам выдачи еды. За ними начала собираться неуверенная очередь. Окно № 3, в котором выдавали **prodykt**, оказалось закрыто.

– ЭУ? – показал пальцем на помятые железные жалюзи парень, работающий рядом с N. В ответ N. лишь помотал головой.

Пройдя мимо закрытого окна, N. расположился в привычном углу, и не успел он пригубить горячую

ложку бульона, как раздался оглушающий сигнал. Тут же в дверях показались люди в масках, их становилось все больше и больше. Кто-то схватил N. за плечо, тот дернулся, задетая тарелка с бульоном перевернулась. Ошпаренный N. вскрикнул, но сильные руки скрутили его, повели вслед за остальными на выход.

Его тащили по цеху, швыряя от стола к столу. N. кричал изо всех сил, сам не понимая от чего: то ли от страха, то ли из-за ожога. Около рабочего места N. толкнули с такой силой, что он перевернул коробку с порохом и собранные гильзы – разлетевшиеся искорки запрыгали по полу.

– ROTATЬ!

Растянувшийся на полу N. с трудом поднял голову, перед ним возвышалась фигура в маске. Вместо глаз зияли черные стекла, а рот скрывался за решетчатым вырезом.

– ROTATЬ, ЖИВА!

N. дрожал. Он попытался было подняться, но ребра будто схватили в тиски.

– SBRATЬ! SVSHTSA!

– ЭКХХХХХ, – корчась, хрипел N.

Удар дубинкой в плечо откинул его на спину. Затылком N. ударился о холодный металлический стержень.

– STATЬ, ROTATЬ!

Он начал собирать разбросанные гильзы, в то время как человек в маске стоял над ним, спрятав за спиной руки. Закончив, N. с трудом поднялся на ноги. Краем глаза он заметил, что возле каждого рабочего стола теперь стоит по надзирателю. Многие из мест пустовали.

– ROTATЬ! – прозвучала громкая команда из-за маски.

Под таким присмотром N. работал до самого сигнала. От чужого присутствия то и дело дрожали просыпающие порох руки. Услышав гудок, неподвижная фигура схватила N. за локоть и потащила к лестнице, где уже выстроились такие же пары.

Поднявшись на этаж, N. забросили в комнату. Около двери стоял поднос с миской гречневой каши и яблоком. Prodykta по-прежнему не было. Дочиста вылизав тарелку и обглодав яблоко, он лег спать прямо в одежде.

Когда N. разбудил хлопок и свет залил комнату, он спросонья пошел к двери, где стоял поднос. Яблоко, кружка... Пусто.

В цехе заметно поредело, в глаза бросались одинокие пустые столы. Теперь N. постоянно сопровождала молчаливая фигура надзирателя.

Работать стало сложнее. Он постоянно отвлекался, просыпал порох или ронял гильзы, однако

замершая в нескольких шагах фигура оставалась неподвижной. Он еле дождался звонка, и когда в сопровождении подходил к столовой, то снова услышал шум, лязг и крики. Заключение бунтовали, пытался убежать от людей в масках, сопротивлялись. Однако большинство жались к стенке, искоса поглядывая на скручивания и аресты. Когда всех разогнали, к окошкам начала неспешно собираться очередь, но окно номер три по-прежнему было закрыто жалюзи.

На этот раз N. успел съесть суп прежде, чем раздался сигнал. Его отвели обратно к столу, где он проработал остаток дня. По пути домой он заранее знал, что на подносе будет пусто.

N. стал плохо спать. Он часто просыпался от чувства голода, вскакивал и ходил по комнате, пытаясь унять дрожь. С утра вставал до хлопка, ожидая, когда принесут поднос, но не наедался досыта.

Шли дни, prodykta по-прежнему не выдавали, бунты становились все агрессивнее. N. чувствовал, что живет в постоянной тревоге, которая разрастается, точно горка с гильзами.

Как обычно, посреди рабочего дня прогудел сигнал. Оживший надзиратель взял за плечо N. и повел в столовую. У коридора толпились заключенные, не давая друг другу прохода. Люди в масках отпихивали от себя потные тела.

Вдруг рабочий впереди N. резко дернул рукой, словно стряхивая с рукава крошки, в его ладони мелькнуло что-то блестящее, и хлесткий удар поразил надзирателя в шею.

Сначала никто ничего не понял. Рабочие позади растерянно расступались, освобождая место на полу для обмякшей фигуры. Из толпы раздался крик, еще один, N. попятился к стенке. Под ногами он увидел распростертого надзирателя в маске, из шеи которого торчал хвост заточенной ложки.

Надзиратель рядом с N. вытащил из-за пояса дубинку, кинулся вперед, расталкивая преграждающих путь рабочих. Началась давка, N. вжался к стенке, наблюдая, как люди в масках ломают руки заключенным и бьют ногами упавших. Рабочие давали отпор, N. видел, как двое выхватили дубинку из рук надзирателя и, оглушив, свалили его с ног.

Сплоченные рабочие почувствовали силу, а люди в масках больше не лезли усмирять бунтующих – дубинки теперь использовались ими, чтобы отходить к выходу.

N. не мог пошевелиться. На его глазах группа заключенных выламывала заслонку жалюзи. С оглу-

Зажатый между плитками и потолком, он почувствовал, как начинают затекать согнутые руки. Возвращаться было опасно.

шительным треском металлические лохмотья не держали и, лязгнув, обрушились на пол. Кричащие рабочие рванули в проем. Сглотнув слюну, Н. поспешил следом, однако толпа не позволяла подобраться ближе. Кто-то стал протискиваться обратно, бессвязно бормоча что-то, и Н. удалось заглянуть внутрь. В темном маленьком помещении по пустым полкам стеллажей шарили взволнованные заключенные. Ничего не отыскав, они растерянно вылезали обратно.

Вдруг послышалась очередь громких хлопков, а затем еще и еще – они будто торопились перебить друг друга. У выхода стояли вооруженные люди в масках, автоматы в их руках тряслись от жесткой отдачи.

Рабочие кинулись бежать. Раненые истошно кричали, кто-то корчился в судорогах, многие с голыми руками кинулись на нападавших, но были расстреляны. Люди в масках зачищали помещение столовой, без разбора стреляя по заключенным и отбрасывая ногами истекающих кровью.

Треск выстрелов становился все громче. Вдруг на глаза Н. попала дыра выломанного проема, в который залезали несколько рабочих. Он нырнул к ним в темноту, пролез мимо дрожащих тел к стенке и забился возле последнего стеллажа, обняв руками колени.

Острые локти упирались Н. под ребра, в полутьме худые, мокрые лица рабочих выглядели особенно жутко. Задрав голову, он увидел сдвинутую плитку потолка. Поднявшись, он взялся руками за полки, оттолкнулся от чьей-то спины.

– ЭУ, ЭЭЭЭУУУУУУУУ, – взволнованно донеслось снизу.

Приглушенные голоса были совсем рядом. Н. попытался ударить кулаком по плитке, но не достал. Повыше залезть не получилось, как вдруг почув-

ствовал, что его кто-то подхватил. Внизу рабочие держали Н. за ноги.

Вытянувшись, Н. поддел плитку, отодвинул. Схватившись за металлические перегородки, подтянулся, рабочие помогли ему залезть выше.

– LEVA! DESЬ!

Он рывками подтянулся, пролез под потолок и как раз успел спрятать ноги, опередив пробежавший луч фонарика.

– ANI!

– СЮА!

– DEJI! STTЬ!

Сжавшись, Н. боялся пошевелиться. Он слышал удары, вопли, жалобные стоны, видел яркие отсветы, едва не доходящие до потолка. Вскоре приказы и шум стали отдаляться, постепенно стихли крики. Н. остался один.

Ему едва хватало места, чтобы дышать. Зажатый между плитками и потолком, он почувствовал, как начинают затекать согнутые руки. Возвращаться было опасно.

Осторожно, едва шевелясь, он пополз по двигающимся плиткам. Каждое движение отдавалось глухим звуком, пыль облепила его лицо, настойчиво лезла в нос и горло. Стоило опереться всем весом, как плитка приподнималась, равновесие помогало удержать только опора на перегородки.

Вдруг основа под ним слегка накренилась, и с грохотом Н. обрушился вниз. От удара и поднявшейся пыли его пробил кашель. Он попытался протереть глаза и подняться, но его тут же оглушил удар. По щекам заструилось что-то липкое и теплое. Внутри черепной коробки словно полыхнул огонь, все ощущения слились в одну пульсирующую точку.

Резкий толчок поднял его на ноги. Голова подскочила от удара затылком о стену. Кое-как разлепив глаза, Н. увидел перед собой очертания маски.

– РОЙМН! ABEZREJN!

Шея будто обхватила душающим обручем, из горла вместе с хрипом в черные прорези полетели кровавые сгустки.

– EKXXX, AKHHHH.

– YHICHTOJN!

Н. погрузился в черноту уставившихся на него дыр, тело невольно задергалось.

– AKH.

Из закручивающейся воронки его вытянул рыв над ухом. Хватка ослабла. Н. рухнул на пол, корчась, силился вдохнуть. Мутная пелена рассеивалась, ему стали видны тени неподалеку. Слышались стоны, чавкающие удары и металлический лязг.

Протерев глаза, Н. разглядел стоящих рядом с ним рабочих. Рядом лежало тело человека в маске. – У.

Один из троих заключенных – самый высокий, широкоплечий, с длинным носом, – протянул ему руку. Сначала Н. показалось, что их робы насквозь пропитаны кровью, но затем он понял, что они одеты не в серую обычную, а темно-красную униформу. Каждый из них держал по блестящему автомату.

– У. У-у.

Н. вздрогнул от ощущения влажной чужой руки, которое переросло в захватившее ладонь рукопожатие.

Поднявшись из груды проломанного потолка, Н. огляделся. Он стоял в хорошо освещенном коридоре, по бокам которого располагались открытые пустые клетки. В проходе лежали убитые надзиратели, от одного к другому тянулись размытые отпечатки ног. Рабочие с любопытством поглядывали то на Н., то выше – на дыру в потолке. В ответ Н. развел руками.

Широкоплечий кивнул следовать за ним. Дальше по коридору было еще больше клеток, на этот раз с закрытыми рабочими. Из открытых дверей им навстречу высыпали освобожденные в разноцветных робах: темно-красного, темно-синего, желтого, зеленого оттенка. Они с испугом рассматривали своих освободителей, широкоплечий жал каждому руку, после чего показывал собраться вместе. Когда все клетки были открыты, рабочие двинулись за широкоплечим в красной робе дальше.

Из коридора с клетками они вышли к винтовой лестнице. Путь обратно был усеян изуродованными телами рабочих и надзирателями. Н., как и многие другие, пытался шагать по кускам пола между трупами, но это слишком замедляло движение всей группы.

Широкоплечий вел за собой заключенных все ниже и ниже. Вскоре они дошли до двери под лестницей.

Н. оказался внутри уходящего вдаль полутемного низкого помещения. Ему сразу бросился в нос резкий, не дающий продохнуть запах туалета. Над головой тускнели мутные лампочки, под которыми сидели или лежали рабочие. Они расположились среди перевернутых ящиков, разбросанных ведер, наклоненных стеллажей, куч хлама, громоздившихся повсюду. Кто-то похрапывал, облокотившись головой о стену, другие чистили карабины автоматов, третьи расставляли на полках ящики.

Внимание Н. привлек огромный грязный стенд. На стенде были крупно изображены несколько разно-

цветных многоугольников, внутри которых находились фигуры поменьше: круги, заштрихованные квадраты, прямоугольники с подписями и обозначениями. Буквы ни о чем не говорили Н. – он понятия не имел, как читать, – однако от ярких изображений нельзя было оторваться.

Шестиугольники размером с крупное яблоко находились ровно посередине стенда: три сверху и еще два по углам снизу. Н. заметил, что робы заключенных имеют такие же цвета. Красный, синий, желтый, зеленый, а в крайнем верхнем углу располагался серый шестиугольник. Все фигуры соединялись между собой переходами так, что в центре образовывался новый закрашенный черным многоугольник. Сверху каждого многоугольника стоял какой-либо значок: пуля над серым, разобранный автомат над синим, собранный автомат со вспышкой над красным, бомба над желтым и карандаш с линейкой над зеленым. Присмотревшись, Н. увидел внутри каждого многоугольника обозначения лестницы, решетки, тарелки с ножом и вилкой.

Горячая рука легла Н. на плечо, от чего тот вздрогнул. Широкоплечий жестом показал ему двигаться вперед. Н. еще раз обвел схему взглядом и, задумавшись, пошел дальше.

Обходя рассеявшихся на пути разноцветных заключенных, они прошли в конец помещения, отгороженного занавеской. Здесь было посвободнее и заметно чище. У стены возвышалась стопка матрасов.

– УОУ. АУ УОУ, – махнул широкоплечий рукой.

Один из рабочих поставил автомат в угол, вытянул матрас из середины, кинул его на пол и сам улегся сверху. Остальные стали делать то же самое, располагаясь по периметру просторной комнаты.

Н. устроился рядом с широкоплечим, он ощущал, что нужно с ним держаться вместе. Внезапно он понял, что не видит никого из рабочих, кто был бы в серой униформе.

Занавеска приподнялась, к ним зашел одетый в желтую робу пожилой заключенный с коробкой в руках. Поставив ее перед собой, он оглядел каждого новоприбывшего, закатал рукава и, распаковав коробку, протянул ближайшему рабочему пару яблок.

– ЪТЬ, ЪТЬ, – махнул он, чтобы фрукты передали в задние ряды.

Проголодавшиеся заключенные набросились на еду. С любопытством вытягивая шеи, они не отводили взгляда от коробки, но, кроме яблок, ничего к ним больше не попадало.

Затем стали раздавать миски с ложками, после чего двое рабочих внесли огромную, но уже полупустую цистерну горячего супа. Н. с горящим взглядом наблюдал, как бульон разливали по тарелкам, – от одного лишь плещущегося звука рот наполняла слюна. Неужели сейчас дадут и?.. Однако после раздачи супа рабочие поставили пустую цистерну к стеллажам и сами придвинули к себе тарелки.

Ели торопливо, с частыми прихлебываниями, будто опасаясь, что вот-вот прогудит сигнал. Закончив и спрятав под матрас миску, Н. широко зевнул. Потянуло спать, да и не его одного – многие рабочие осоловело смотрели по сторонам, а кто-то уже отвернулся к стенке. Сосед Н. сложил верхнюю часть матраса пополам и улегся на нее головой. Н. поступил так же, и едва его голова коснулась пахнущей сыростью перины, моментально провалился в сон.

Из черной, поглотившей усталости Н. выдернул металлический лязг. Он резко вскочил, начал крутиться, спросонья пытаюсь понять, что случилось и сколько он вообще проспал. Рабочим начали выдавать оружие, и те стучали им, с любопытством крутили и рассматривали. Выдавал автоматы тот же пожилой заключенный в желтой робе, а следом за ним двое рабочих тащили звякающую коробку, из которой горстями ссыпали на колени пули.

Н. никогда не держал оружие в руках, но, посмотрев, как умело рабочие в красных и синих робах шелкают предохранителями, дергают затворы, отсоединяют магазины, стал повторять за ними. Заряжать автомат патронами он научился сразу – похожую работу ему приходилось выполнять каждый день, загружая пластиковые ячейки, так что ему потребовалось всего несколько секунд, чтобы снарядить полный магазин. Однако, как он заметил, не все заключенные отличались таким умением.

– МЭ.

Н. повернул голову. На него с изумлением смотрел сосед-рабочий в желтой форме – тот самый, который подогнул матрас под голову. Он пытался вставить несколько боеприпасов торчащей гильзой внутрь. Н. взял его магазин, быстро шелкая патронами, загрузил весь запас и ударом ладони вставил магазин обратно.

– ЭУ, ЭУУУ!

– А NY DA, А NY DAAA!

– ОУ, ОУ, ОУ, ОУ!

Увидев прыткость Н., заключенные стали передавать ему стволы и сыпать свои патроны. Он живо справлялся с зарядкой автоматов, его четкие действия ничем не отличались от действий маши-

ны. Шелк-шелк-шелк, хлопок – автомат готов. Шелк-шелк-шелк, хлопок – автомат готов.

Подняв голову, он увидел, как стоящий неподалеку пожилой рабочий переглянулся с широкоплечим в красной робе. Широкоплечий одобрительно покачал головой и передал Н. тряпичный мешок, в котором можно было таскать патроны. Теперь Н. отвечал за боезапас.

Вдруг раздалась вопли, грохот, взрывы. Замершие на секунду рабочие схватили оружие, выбежали в коридор. Сжав автомат, Н. шумно выдохнул и поспешил следом.

В узком проходе шла пальба, пули со свистом рикошетили от стен, впереди мелькали огненные вспышки. Перебежками от ящика к ящику Н. следовал за группой движущихся в темноте фигур, пробуя стрелять из-за укрытия, то и дело роняя автомат. Сзади его догнал пожилой заключенный в желтой робе. Он протянул Н. несколько колб со шнурами и небольшой пластиковый брикет. Н. рассеянно взял их и спрятал в сумку. В ладони рабочего мелькнул такой же брикет, вспыхнул огонек, он подпалил шнур колбы. Зашипев, искра побежала вверх, рабочий размахнулся и бросил запаленный снаряд вглубь коридора.

Оглушающий хлопок и крики перекрыли автоматные очереди, Н. невольно пригнулся от звона в ушах. Краем глаза он заметил, что заключенные рвутся вперед, стреляя по нападающим в масках. Поднявшись, Н. побежал к остальным.

Вместе с группой Н. выскочил из распахнутой двери. Они стали прорываться наверх, по усеянной трупами лестнице, бегать по коридорам. За собой группу вооруженных рабочих вели заключенные в зеленых робах, они явно знали, куда идти. Несколько рабочих протянули Н. автоматы, и он прямо на ходу один за другим зарядил их.

Группа рабочих миновала огромный пустой коридор, спустилась по лестнице. Н. показалось, что он знает эту часть здания – сбоку находился проход с лестницей, по которой рабочих вели из камер в цех. Только стены здесь были не серого, а густого зеленого цвета (знак линейки и карандаша).

Взорвав двери цеха, рабочие попали в просторный зал. Те же столы, как в цехе у Н., те же проходы, те же широкоэкранные мониторы. Однако вместо плакатов с оружием и калибрами патронов на стенах висели карты и непонятные чертежи. Н. узнал стенд, который видел в подвале, только этот был масштабнее.

Рабочие в зеленом забрали со столов какие-то бумаги, сверили их и, окликнув с любопытством

осматривающихся товарищей, поспешили в конец помещения.

Здесь располагалась такая же столовая, как и в цехе N. Под стойками прятались испуганные рабочие. Заключенные попробовали выломать прикладами запертое третье окно, а затем, подложив под жалюзи колбу, взорвали заслонку и кинулись внутрь. N. в числе первых оказался внутри, стал шарить по стеллажам, но везде было чисто.

– СТАТЬ!

В столовую забежала группа людей в масках. Началась стрельба.

N. выдохнул, взвел курок. Из укрытия он стрелял очередями так же, как другие, но ему то и дело передавали автоматы для быстрой перезарядки, так что свое оружие пришлось отдать одному из освобожденных.

Раздалось еще несколько отдельных выстрелов, а потом звуки стихли. N. осторожно выглянул в усеянное трупами помещение.

Рабочие переводили дух, разряжали автоматы и несли N. патроны, показывали освобожденным, как целиться и стрелять, делились картами и какими-то схемами.

Отдохнув, рабочие в зеленом сгруппировались и жестами показали всем следовать за ними. Они поднялись на самый верхний этаж, оттуда по другой лестнице спустились в самый низ и с боем оказались в желтом секторе (знак бомбы). Здесь собирали взрывчатку: делали колбы, засыпали порох, крутили фитили.

Третье окно уже оказалось взорванным, внутри по-прежнему ничего не было. Передохнув, рабочие пополнили запас, подкрепились и выдвинулись дальше.

В синем секторе (знак разобранного оружия) собирали по чертежам автоматы, сортировали металлические части, отбирали брак. Третье окно также оказалось вскрытым и тоже пустым.

Рабочие заметно устали, N. все чаще стал замечать растерянные взгляды. Он не знал, были ли они без него в сером секторе или только собираются, но вопрос, что делать потом, когда они не найдут *produkta*, казалось, волновал не только его.

Перестрелки стали отчаяннее, люди в масках вели себя ожесточеннее, будто бы мстя за вышедший из-под их контроля бунт. Те новобранцы, которые присоединялись к группе, в большинстве своем (за исключением синих и красных) не могли даже перезарядить автомат. Однако побывавшие в боях заключенные набрались опыта, стали лучше целиться, прикрывать друг друга. Рабочих

было мало, но они научились действовать слаженно, в противоположность прущему потоку людей в масках.

Красный сектор (знак автомата со вспышкой) оказался самым необычным. За железными дверьми находился полутемный красно-черный зал, разделенный на две части. Одну часть цеха от другой отделяла стена с вырезами прямоугольников. С правой стороны от проемов находились помятые столы, в левой стороне висели расстрелянные рисунки человеческих тел. К поверхности каждого стола был прикреплен держатель, который, видимо, предназначался для автомата. По отдельности каждый стол заключался в прозрачные обшарпанные стенки, и таким образом получались загоны. На стенах висели плакаты с инструкциями, как заряжать магазин, как перезаряжаться, как и куда лучше целиться.

Двери столовой в этом секторе были не заперты. Переглянувшись, рабочие подняли автоматы, медленно зашли внутрь.

Никого не было. На полу лежали раздавленные яблоки. В тишине только ноги заключенных шаркали по кафелю. Впереди шел знакомый N. пожилой рабочий, он на ходу достал из-за пазухи несколько колб, собираясь заложить их под третье окно. Вдруг заслонку резко выбили, из проема выпрыгнули люди в масках. Рабочего со взрывчаткой расстреляли в упор.

Желтая ткань со спины за секунды пропиталась десятком густых подтеков, которые слились в одну кровавую мякоть. Окровавленное тело рухнуло на пол.

Закричав, рабочие стали отступать. N. рванул в сторону дверей, оказался в узком коридоре, но и оттуда заключенные, толкаясь, бежали ему навстречу. Со стороны цеха тоже слышались выстрелы.

Деваться было некуда, их зажали с обеих сторон. Краем глаза N. увидел копошащихся у стены рабочих. Они били прикладами по решетке вентиляции, пытались сбить ее заслонку.

Один из рабочих проскочил мимо N., навалился всем весом на дверь столовой, где еще шла пальба.

– НЭМ!

N. повернулся.

– НЭМ, НЭМ! НАМОНИ! – кричал он, еле сдерживая удары в дверь рвущихся наружу.

Пока они помогали удерживать проход, рабочие оторвали решетку и, оставив оружие, по одному начали быстро залезать в вентиляцию. N. рванул к трубе и успел в ней исчезнуть в тот самый момент, как услышал оборвавшийся крик товарища.

Они находились
в огромном помещении,
под завязку набитом
рабочими в цветных
формах, – были даже
знакомые лица в серых
робах. Заключенные
испуганно жались
к стенкам, стараясь
держаться от внезапных
гостей подальше.

Несколько секунд падения, жесткий удар, резкая боль в спине. N. с трудом открыл глаза, перекатился в сторону. Кто-то помог ему встать на ноги и оглядеться.

Они находились в огромном помещении, под завязку набитом рабочими в цветных формах, – были даже знакомые лица в серых робах. Заключенные испуганно жались к стенкам, стараясь держаться от внезапных гостей подальше.

Присмотревшись, N. заметил, что у рабочих за спиной были туго стянуты руки – их кисти обхватывались эластичными жгутами. Кто-то из товарищей N. попробовал подойти к ним и помочь, но те, испугавшись, кинулись убежать.

В конце зала N. заметил двойные двери. Не теряя времени, он бросился прямо к ним, расталкивая преграждающих ему путь. Он начал что есть силы трясти ручки, но двери не поддавались. Заперто.

Внезапно его осенило. N. вытряхнул сумку с патронами, раскопал несколько колб и зажигалку. Узнав взрывчатку, стоящие неподалеку заключенные в желтых робах энергично замычали. N. просунул в широкие дужки дверей одну колбу, под дверь положил остальные, поджег фитили и бросился прочь. Через несколько секунд прогремел взрыв.

Звуки исчезли. Будто замедлив время, он увидел распускающееся бурое облако, подхваченные взрывом оторванные руки и ноги, искаженные застыв-

шие лица. И полнейшая тишина вокруг. Не осознавая больше себя, N. в каком-то порыве направился прямо в оседающую пыль, изнутри которой исходило яркое свечение.

Сначала он просто шел к нему, оступаясь, но не падая, затем ускорил шаг и, не выдержав, зажмурился, побежал. Сияющее облако вобрало N. в свои мягкие объятия, погрузило вглубь себя и так же легко выпустило. Он открыл глаза.

Местность вокруг выглядела как во сне – яркие цвета, бескрайнее пространство, обдувающий лицо ветер. Насколько хватало глаз, далеко вперед уходили ряды рыжих деревьев. Справа на горизонте виднелась огромная площадка со строительными лесами и гигантским белым Патроном.

N. задрал голову. Он никогда в жизни не видел неба, голубого, прозрачного, как вода, которую он пил из кружки, только здесь еще чище, свежее. И ощущение легких, воздушных мазков передавалось N. – от вида мягких, пушистых облаков горло приятно сжалось.

Повернувшись, N. обомлел. Позади него возвышался огромный каменный замок, из которого он только что вышел. Толстые высокие стены грозились в любой момент обрушиться, захоронив N. под собой. Разноцветные зубчатые башни зеленого, желтого, синего, красного и серого цвета словно норовили откусить куски от неба. За замком плескалось и шумело еще одно небо, только жидкое, бескрайнее, будто разлитое. Ему не верилось, что он провел всю свою жизнь в каменном лабиринте. *Без этого.*

Вдруг он почувствовал, что может слышать. Пробки в ушах понемногу начали рассасываться. Вдалеке N. услышал захлебывающийся кашель. Из облака пыли выросла фигура рабочего в зеленой робе, за ним появился синий. Заключенные будто создавались в проходе один за другим, оглядывались, и, замечая N., устремлялись к нему.

Откуда-то из-за замка выбежали очереди черных вооруженных фигур. N. бросился бежать. Позади вновь застрекотали автоматы.

От начала лесополосы его отделяли несколько сотен метров, он бежал, хватая ртом воздух. Оглянувшись, N. увидел, как падают подстреленные рабочие, как корчатся со связанными за спиной руками.

Когда до первых деревьев оставалось не более нескольких десятков метров, внезапно раздался такой оглушительный рев, что N., схватившись за голову, застыл на месте. Гул трубы сотрясал под ногами землю, разрывал изнутри грудную клетку. Замерли

